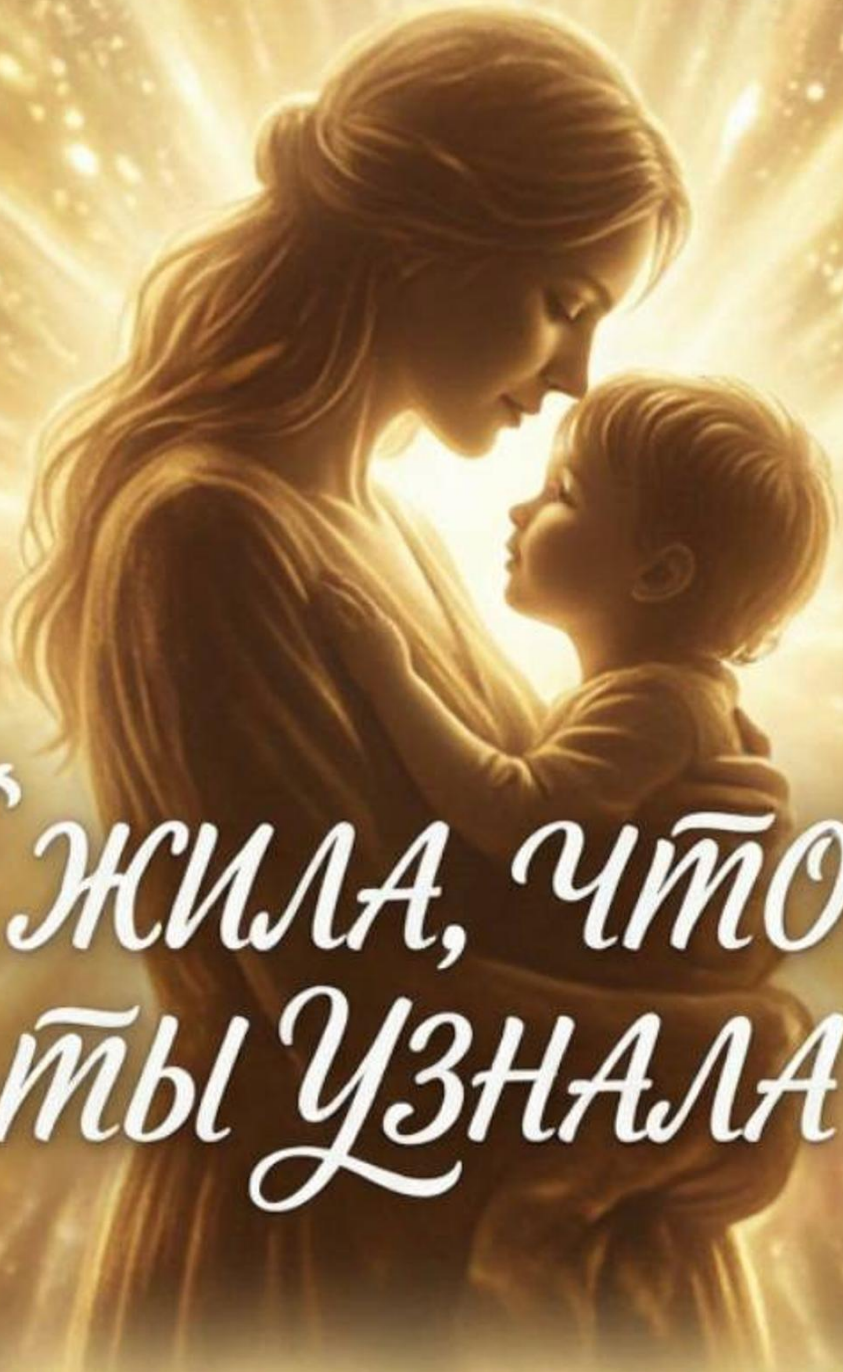

ИМПРИНТИНГ.
РАННЕЕ ДЕТСТВО. КНИГА 1

A woman with long, wavy hair is shown in profile, holding a young child. They are facing each other, almost touching noses. The background is a warm, golden glow with rays of light and sparkling particles, creating a dreamlike and intimate atmosphere. The overall color palette is shades of gold, yellow, and brown.

*Я жила, чтобы
ты узнала*

ИЛАРИЯ ФИЛИНА

18+

Илария Филина

**Импринтинг. Книга 1. Раннее
детство. Я жила, чтобы ты узнала.**

«Автор»

2026

Филина И. С.

Импринтинг. Книга 1. Раннее детство. Я жила, чтобы ты узнала. /
И. С. Филина — «Автор», 2026

Это документальное произведение, чья основа — подлинные факты, события и люди. Здесь нет места вымыслу, лишь суровая правда жизни. Импринтинг – это не просто мимолётное воспоминание, это впечатанный в самую суть моей души образ, якорь, который определяет не только ход мыслей, но и трепет сердца, глубинные реакции на мир. Когда я думаю об этом, мое сознание переносится в моё раннее детство, где каждый луч солнца, каждый шорох листьев, каждый смех моей любимой мамочки Наташи был не просто звуком или картиной, а зернышком, посеянным в плодородную почву моей формирующейся личности.

© Филина И. С., 2026

© Автор, 2026

Илария Филина
Импринтинг. Книга 1. Раннее
детство. Я жила, чтобы ты узнала.

Введение.

Раннее детство. Вызывает в моей душе трепет, словно прикосновение к чему-то первозданному, укоренившемуся в самых недрах моей сущности. Это не просто запечатление, это само дыхание моей жизни, впитавшееся в самую мою суть. Я чувствую его отголоски в каждом мгновении, в каждом взгляде, в каждой нежной ласке, оставившей неизгладимый след в моем сердце.

Я, крошечная малышка, по имени Илария, новорожденное существо, инстинктивно тянулась к маме, папе и бабушке – источнику тепла и безопасности. Это не разум, не логика, а глубинное, инстинктивное притяжение, сотканное из тысяч лет эволюции. В этом безграничном доверии к близким, в слепой, но всеобъемлющей вере, заключена вся нежность мира.

Моя любимая мамочка, Наташа – это обещание. Обещание быть рядом, оберегать, направлять. Эхо её песни звучит в моей душе навсегда, незримой нитью связывая меня с ней. Она дала мне жизнь, открыла для меня этот мир. И в этой связи, хрупкой и одновременно прочной, таится истинная сила, способная преодолеть любые преграды. Моя мамочка была моим первым проводником, именно она заложила в меня основы понимания добра и зла, любви и заботы. Она – фундамент, на котором построилась вся моя дальнейшая жизнь, моя способность любить и быть любимой.

С течением времени, с накоплением жизненного опыта, я понимаю, что моменты моего раннего детства присутствуют в каждом ценном уроке, в каждом моменте подлинного человеческого контакта. Мудрый совет мамочки Наташи, сострадательное слово бабушки Люды, просто тёплое объятие папы Сергея – всё это оставляет свой след, формируя меня, делая той, кто я есть. Это незыблемый фундамент моей личности, мое глубочайшее отражение родных, коснувшихся моей души.

Раннее детство – это не просто мимолетное воспоминание, это впечатанный в самую суть души образ, якорь, определяющий не только ход мыслей, но и трепет сердца. Когда я думаю об этом, моё сознание переносится в то время, где каждый луч солнца, каждый шорох листьев, каждый смех моей мамочки был не просто звуком или картиной, а зёрнышком, посеянным в плодородную почву моей формирующейся личности.

Эти ранние образы, яркие и живые, стали невидимыми нитями, связавшими меня с миром. Они определили мои страхи и радости, мою способность к состраданию и веру в добро.

Помню, как в детстве, увидев раненого котёнка, я почувствовала такую острую, всепоглощающую боль, что она стала частью меня. Эта эмпатия, этот необъяснимый отклик на чужое страдание – отпечатались в моём сердце навсегда.

Каждый такой «отпечаток» – это цвет, которым раскрашена палитра моей души. Они влияют на то, как я воспринимаю красоту, как реагирую на несправедливость, как люблю и как прощаю. Именно поэтому, когда мне приходится выбирать одно слово, чтобы описать это глубокое, преобразующее явление, я выбираю «импринтинг». Это слово несёт в себе всю мощь детских переживаний, которые, словно драгоценные камни, оформили мой внутренний мир, сделали меня той, кто я есть. Это сила, которая продолжает звучать во мне, пульсируя в каждом ударе моего сердца.

Импринтинг – это не просто мимолётное воспоминание, это впечатанный в самую суть моей души образ, якорь, который определяет не только ход мыслей, но и трепет сердца, глубинные реакции на мир. Когда я думаю об этом, мое сознание переносится в моё раннее детство, где каждый луч солнца, каждый шорох листьев, каждый смех моей любимой мамочки Наташи был не просто звуком или картиной, а зернышком, посеянным в плодородную почву моей формирующейся личности.

Глава 1. Родительский дом.

Моё раннее детство было соткано из солнечных лучей и смеха, словно сама жизнь раскрасила его самыми яркими красками. Жизнь в роскошном доме на берегу безбрежного Японского моря, рядом с мамой, Наташей и папой, Серёжей, превращала каждый день в предвкушение праздника.

Пробуждение было волшебным. С первыми лучами солнца в комнату входила мамочка Наташа; её лицо озаряла добрая, ласковая улыбка, а белоснежные, как первый снег, волосы каскадом ниспадали ниже пояса. Она приносила мне творожок, щедро сдобренный ягодами, и парное молоко. А потом, с нежностью, облачала меня в самое красивое платье. Её поцелуи, лёгкие, как крылья бабочки, и ласковое «моя куколка» были для меня высшей честью.

Завтрак был нашей маленькой семейной традицией. Мы собирались все вместе, обсуждали планы на наступающий день, смеялись от папиных шуток и слушали мамины вдохновляющие истории. Эти утренние мгновения были пропитаны такой невыразимой нежностью и теплом, что казалось, будто само время замирает, давая нам возможность насладиться каждой искрой семейного счастья.

После завтрака начиналось самое интересное – двор, где меня ждали моя любимая качеля и папа. Яркая, словно радуга, качеля, которую папа смастерил своими руками для меня, была местом наших утренних приключений. Он раскачивал меня всё выше и выше, и я ощущала, как ветер играет с моими непослушными кудрями.

Наши глаза встречались, мы обменивались с папой взглядами, улыбаясь — в них было всё: безграничная любовь, радость и незамутненное счастье. Я знала, что в этом доме, наполненном до краёв любовью и заботой, я – самое счастливое дитя на свете.

Солнечные блики пробивались сквозь густую зелёную крону сирени, источая её пьянящий аромат. Во дворе, словно драгоценные камни, алели прекрасные белые розы, а рядом, в траве, резвились пушистые, игривые котята.

Рыжая кошка Марта, словно огненный вихрь, обожала мою маму. С ловкостью охотницы она приносила к её ногам пойманных мышей, громко мурлыкая и напоминая, кто здесь настоящая хозяйка. А мама, лаская бархатную шёрстку, поглаживала свою рыжую королеву.

Наш дом, утопающий в зелени и цветах, был для меня настоящим праздником, наполненным смехом и ароматами. В беседке, увитой душистым виноградом, за большим столом собирались самые дорогие люди.

У бабушки Люды, чьи добрые, мудрые глаза хранили отпечатки прожитых лет, всегда находились нужные слова, чтобы утешить или направить. Папа, сильный и заботливый, с лёгкой улыбкой на лице, делился мыслями о тайнах природы и мудрости жизни. А мама, с её нежной душой и золотыми руками, готова была угостить всех душистым зелёным чаем с мёдом и своими знаменитыми пирогами.

Я, «Иларушка», маленькая малышка в этой дружной семье, впитывала эту неповторимую атмосферу любви и тепла. Каждое воспоминание, каждый смех, каждая тихая беседа становились драгоценными камнями, которые я бережно уносила в своё сердце.

Порой, когда солнце, словно художник, раскрашивало закатное небо в невероятные оттенки розового и оранжевого, мы все вместе запевали песни. Папа брал в руки саксофон, и его мелодия, пронзительная и нежная, казалась вечной. Я любила слушать, как папа играл на саксофоне, вплетая в звуки свою душу.

Его любовь и забота окутывали наш дом, нашу жизнь, словно невидимым, но осязаемым одеялом, сотканным из безграничного счастья и абсолютной безопасности. Когда за окнами бушевала зима, мы, как единое целое, собирались вокруг живого огня камина. Мама, с нежностью пригубляя зелёный чай с мёдом, смотрела, как папа, увлечённо декламируя, переносил

нас в мир сказок, а я, прижавшись к ним, вслушивалась в завораживающий треск поленьев и ощущала, как тепло огня проникает в самую мою душу. Эти зимние вечера были воплощением уюта, той самой тишины, что предшествует взрыву радости, тем звенящим моментом, когда воздух дрожит от предвкушения новогоднего волшебства. Даже в самые лютые морозы, когда казалось, что сама природа застыла, наш дом, наполненный родительской любовью, становился для меня истинным оплотом, самым желанным местом на земле. Каждый день завершался священным ритуалом — чтением сказки на ночь. Погружаясь в сладкую дрему, я ощущала себя под защитой этой всеобъемлющей любви и заботы, плывя по течению самых дивных, самых волшебных снов.

В гостеприимном доме моей бабушки Люды, наполненном безграничным теплом и нежной заботой, я находила утешение и радость. Эти стены, пропитанные любовью, стали для меня вторым домом, куда мы часто навещались всей семьёй. Я помню, как с родителями проводила там драгоценные часы, а порой и оставалась на ночь, погружаясь в атмосферу тихого счастья. Этот дом, такой родной и прекрасный, всегда встречал меня с распростертыми объятиями, даря ощущение безмятежности и полного спокойствия. Каждая ночь, проведенная там, была не просто отдыхом, а погружением в атмосферу безмерной любви и заботы, которая окутывала меня, словно самое мягкое одеяло. Я чувствовала, как всякое беспокойство покидает меня, оставляя лишь глубокое умиротворение. Случалось, стоя у окна, я вглядывалась в бархатную бездну звезд, и тогда сердце мое наполнялось тихой, но всепоглощающей благодарностью. Благодарностью этому дому, бабушке, этим несравненным мгновениям покоя, что питали душу силой и надеждой. Дом бабушки Люды был для меня не просто жилищем, но истинным маяком душевного тепла, куда всегда стремилась моя душа, чтобы вновь обрести это ни с чем не сравнимое, драгоценное чувство дома. В доме бабушки Люды вечно царили тишина и уют.

В её гостеприимстве сквозила особая, почти одухотворённая красота, пронизывающая каждый уголок дома. Комнаты купались в зелени: подоконники, полки и даже стены пестрели горшками с цветами, чьи пышные бутоны наполняли воздух тонким ароматом и ласкали взор яркими красками. Среди этого живого великолепия особое место занимали иконы; их мерцание в полумраке создавало трепетное ощущение святого присутствия, незримого, но ощутимого.

Двор у бабушки Люды был настоящим земным раем. Повсюду цвели цветы, образуя живописный ковёр. Стройные юные ёлочки, словно стражи, украшали его, а у подножия раскинувшей свои ветви ели резвились пушистые комочки — котята. Их беззаботное мурлыканье сливалось с тихим поскуливанием щенков, чьи любопытные глазки с интересом осматривали новый мир. Эта мохнатая жизнерадостная семья добавляла дому ни с чем не сравнимого очарования, делая его ещё более живым и тёплым.

Отдельной гордостью бабушки была веранда — оплот семейных посиделок, возведенный руками моего папы. Деревянные ступени, словно утопающие в буйстве цветов, дышали теплом и любовью. Здесь, в объятиях удобных кресел, мы ловили ускользающие вечерние часы, внимая мудрым бабушкиным историям и замороженно глядя, как закат расписывает небо акварелью нежных оттенков. Веранда была не просто архитектурной пристройкой, а живым воплощением семьи, местом, где прошлое, настоящее и будущее сплетались в единое, неразрывное полотно.

Время, проведённое с бабушкой, было пронизано неповторимой нежностью и безмятежностью. Бабушка Люда любила меня той особенной, всеобъемлющей любовью. Вместе мы погружались в волшебный мир мультфильмов и захватывающих передач о диковинных цветах и удивительных созданиях природы. Особенно я трепетала перед историями о пушистых котятах и верных собачках — их неумная игривость вызывала во мне искренний, неподдельный восторг. Летом мы с бабушкой проводили целые дни во дворе, самозабвенно играя в песоч-

нице, или отправлялись в лес, где воздух пьянил ароматами хвои и влажной земли, а затем — к морю, под ласковый солёный бриз, что нежно целовал кожу.

На залитой солнцем детской площадке, вместе с мамой и бабушкой, я взмывала на качелях к самым небесам, ощущая, как весь мир лежит у наших ног. А когда зима рассыпала по земле бриллиантовый снег, бабушка с ветерком катала меня на санках. Искрящиеся снежинки, словно россыпь тысяч алмазов, окутывали нас волшебством, и казалось, будто мы обе перенеслись в настоящую зимнюю сказку. Эти воспоминания, как драгоценные самоцветы, складываются в тёплую и светлую мозаику моего раннего детства, где каждый миг пропитан звонким смехом, ароматом бабушкиных пирогов и безграничной любовью.

Я помню мою бабушку Люду: её добрые, лучистые морщинки у глаз, нежную улыбку, когда она ласково называла меня «умненькая и красивая малышка, у которой всё быстро получается».

«Моя ты, Иларушка, в меру пухленькая и румяная, с красивыми соломенными кудряшками и большими зелёными глазками с длинными ресничками — не малышка, а куколка!» — говорила она.

«И дал же Бог нам такую красивенькую и умненькую малышку!»

Её заботливые руки, полные нежности, искусно плели мне косички, а перед сном разносились волшебные сказки, наполнявшие сердце уютом. Она учила меня считать, читать, писать, рисовать, и вместе мы погружались в удивительный мир знаний, рассматривая красочные книги с иконками и читая молитвы.

Эти воспоминания, словно драгоценные осколки витража, сплетались в единое, согревающее душу полотно моего раннего детства. Каждый миг, запечатлённый в памяти, искрился беззаботным смехом, разливался нежным ароматом свежее испечённых, дивно вкусных бабушкиных пирогов и был пронизан всеобъемлющей, безграничной любовью. Я вновь во снах вижу перед собой бабушку Люду, чьи добрые, сияющие морщинки у глаз были свидетельством прожитой жизни, полной теплоты и света.

Папа мой, Сергей, был олицетворением несокрушимой мощи, надёжным щитом и, несомненно, неиссякаемым родником радости. Его могучий, заразительный хохот наполнял наш дом животворящей, неповторимой силой. Нередко мы с мамой, словно юные мореплаватели, поднимались на борт его корабля — судна, ставшего частью его души. Папа, гордый морской волк, с трепетом открывал нам свой мир, где безбрежные водные просторы сливались с бездонной синевой небес. Приближаясь к гигантскому кораблю на крохотной лодке, мы с мамой чувствовали себя первооткрывателями неведомых земель. Цирк был нашим излюбленным местом, меня завораживала грация тигров и стремительные прыжки кенгуру. Я до сих пор храню в сердце образ нашего совместного фото с папой и ловким кенгуру. Папино лицо всегда озаряла улыбка, и я никогда не видела в его глазах тени печали. Он щедро одаривал нас с мамой лучшими подарками, с увлечением погружал меня в мир захватывающих игр и читал чарующие книги. Страстно любя котят, он всегда находил в нашем доме уголок для пушистых друзей, даря им уют. Его присутствие дарило мне ощущение абсолютной защищённости и волшебного мира, наполненного бесконечными чудесами. Наша жизнь текла рекой, сотканной из сияющих, счастливых дней, напоённых безмерной любовью, залившимся смехом и предвкушением новых, головокружительных приключений. Он был моим светом, моей опорой.

Родительский дом — моя внутренняя крепость. Тепло, которое я впитала тогда, не угаснет никогда. Я была не просто любимой малышкой Иларушкой — я была смыслом и центром вселенной для моих мамы, папы и бабушки. И эта любовь навсегда вписана в мою ДНК.

Я помню, как мои родители смотрели на меня с такой безграничной нежностью, что казалось, мир вокруг замирал. Каждый их взгляд, каждое прикосновение были пропитаны чистой любовью, которая окутывала меня, как самое уютное одеяло. Бабушка с её ласковыми руками и мудрыми глазами была тихой гаванью, где всегда находилось утешение и самая искренняя

поддержка. Эта любовь не просто хранится в воспоминаниях — она стала частью меня. Она сформировала мой характер, научила верить в себя и дарила ту внутреннюю силу, которая помогала мне всегда.

Эта незримая нить, сплетенная из родительской любви, — мой вечный оберег, моя путеводная звезда. Я несу её в своем сердце, как самое драгоценное сокровище, и эта любовь продолжает жить во мне, напоминая о том, кем я была и кем я должна быть.

Глава 2. Родство.

Моё дорогое солнышко, моя Илария, мой аленький цветочек, я скоро отправлюсь в иную реальность. О тайнах того мира тебе поведаст твоя мама. Я же хочу открыть тебе суть нашей связи, нашей семьи, наших предков.

Родство — это не просто нити, связывающие нас; это само дыхание общих корней, история, запечатлённая в генах, и узы, созданные любовью и браком. Быть родственником — значит чувствовать эту незримую, но крепчайшую связь с другим человеком. Среди нас есть те, кто разделяет с нами кровь: наши предки, наши поколения. А есть те, кто стал частью нашей семьи по велению сердца, принятый в наш дом и наши души. Представь: мама Наташа и папа Серёжа, их судьбы сплелись в браке, и они стали семьёй. И есть ещё узы, созданные через закон: когда ребёнок обретает семью, он получает все права кровных детей. Если бы я, например, решила взять девочку из детского дома, усыновить её, — она стала бы твоей сестрой, такой же родной, как если бы она родилась в нашей семье. Чтобы постичь всю глубину этих связей, мой родной цветочек, тебе предстоит много читать, много узнавать и постигать мир с открытым сердцем. Моя любимая, я знаю, что эта история может показаться тебе непростой, но умоляю, вслушайся в каждое моё слово. Позволь мне провести тебя сквозь этот рассказ, где каждый звук, каждая фраза — это ключ, открывающий двери к твоему сердцу и разуму. В этом необъятном мире, полном загадок, что ещё ждут своего открытия, так важно чувствовать незримую связь с теми, кто нам дорог, с теми, кто дал нам жизнь. Позволь мне поделиться с тобой тем, что я храню в своей душе, тем, что составляет основу нашего бытия. Я верю, что ты сможешь почувствовать глубину моих слов, потому что они идут от самого моего сердца.

Моя драгоценная внученька! Прислушайся, моя родная, к сердцу моему и впусти в душу слова мои. Я хочу поведать тебе историю, что берет начало в глубине веков, историю нашей семьи, тех, кто дышал и любил до нас. Это рассказ о наших корнях, что уходят так глубоко в землю, подобно вековым деревьям, чья сила заключена в самой сути бытия. Я хочу, чтобы ты почувствовала, как нити судеб наших предков сплетаются воедино, создавая тот узор, что стал твоей жизнью. Вслушайся в шёпот времени, в дрожь земли, что хранит память поколений, и ты поймёшь, насколько велика и бесценна наша родословная. Пусть эти слова станут для тебя источником силы и вдохновения, напоминанием о том, кто мы есть и откуда пришли. Позволь мне познакомить тебя с самыми дорогими мне людьми — теми, кто занимает самое важное место в моей душе. Мой дорогой муж Дима, он же для тебя — дедушка. Моя родная мамочка Наташа и мой любимый папочка Гриша — для тебя они станут прабабушкой и прадедушкой. У моего мужа Димы есть самые близкие люди — его отец Михаил и мать Евдокия они будут прадедушкой и прабабушкой. И, конечно, мои дети — мой сын Миша и моя доченька Наташа. Именно Наташа — твоя мама, твоё самое большое счастье. У твоей мамы Наташи есть дочь по имени Яна. Яна — твоя старшая сестра, рождённая от предыдущего брака с дядей Юрой. Юра, окончив железнодорожную академию в Хабаровске, работал на железной дороге. В тот период твоя мама занимала должность мастера в домоуправлении. Мама Юры — Наташа, работала экономистом; ты её видела, она к нам приезжала. Для тебя она — бабушка Наташа. Дедушка Яны Коля, папа дяди Юры, работал таксистом. У твоей мамы есть сын Володя, рождённый от её бывшего мужа Александра, первого официального брака. Александр, помимо того, что работал прокурором, обладал выдающимся музыкальным талантом, играя на шести инструментах. В то время твоя мама работала юристом. Известно, что Александр подрабатывал, играя похоронную музыку на похоронах, провожая усопших в последний путь вместе со своим отцом Владимиром. Мама Александра пела в хоре русской народной песни имени Митрофана Ефимовича Пятницкого. А ещё, моя родная внученька, у бабушки Евдокии была мама — Алексия. Безграмотная, она не умела ни читать, ни писать,

но молитвы знала наизусть. Я успела застать её старенькой, сухонькой, но с такими добрыми глазами. Когда родилась твоя мама, я вспомнила глаза Алексии — словно они перенеслись в глаза твоей мамы. Рассказывали, что во время войны Алексия сидела на лавочке у дома, показывала руками в поле, и вражеские немецкие самолёты не летели на их дом, а пролетали мимо; при этом она читала молитвы. Дом Алексии по сей день стоит невредимый. Когда все дома в деревне были разрушены и сожжены немцами, один-единственный дом уцелел — дом прапрабабушки Алексии. Была она удивительной женщиной: могла лечить людей, знала нужные травы и настои. Прожила очень долгую жизнь. Я родилась в 1947 году, после войны, и в 18 лет вышла замуж за красавчика Диму, приехала на Украину, когда прапрабабушка ещё была жива. Такое чувство, что прапрабабушка вошла в тело твоей мамы — они так похожи. Говорят, Алексия была очень красивой, умной и зоркой. Я видела, как она насквозь видит людей; её васильковые глаза, наполненные светом, остались в моей памяти навсегда. Алексия, для тебя она станет той самой прапрабабушкой, чьи истории оживают в твоём воображении! Вообрази, как они жили тогда, в те давние времена. Ведь это — наша история, наша неразрывная связь поколений, наша полнокровная родословная. Ты должна знать каждого, кто вплетён в великое полотно нашей семьи. Отец Михаил, для тебя он прадедущка, был человеком поистине уникальной судьбы. Отец Михаил, моего любимого мужа Димы, он оставил неизгладимый след в истории нашей семьи, хотя по крови отцом Диме не приходился. Этот факт, бережно хранившийся в тайне, никогда не мешал всеобщему признанию его отцовской роли. Внешне Михаил был крепкого телосложения, чуть выше среднего роста. Его неизменный образ — солдатские сапоги, штаны-галифе, мундир, напоминающий сталинский, и фуражка на голове — в сочетании с идеальной белизной рубашки создавали образ человека, прошедшего суровые испытания. Во время войны с немцами Михаил попал в плен. Неординарные способности и грамотность позволили ему занять место бухгалтера на принудительных работах по добыче золота. Однажды, движимый нестигаемой волей к свободе, он совершил дерзкий побег. Во время пребывания в концлагере он умудрился похитить не просто золото, а целый валенок, доверху набитый драгоценным металлом. Бегство от немцев удалось, но судьба приготовила новое испытание: в поезде на него напали с целью отобрать добычу. Чтобы спасти хоть часть богатства, он был вынужден выбросить валенок из окна вагона. Однако невидимое, спрятанное глубоко внутри своего тела маленькая часть золота сохранилось. Это золото, предназначавшееся в подарок его возлюбленной Евдокии, стало началом новой жизни. Продав его, они смогли выкопать колодец, построить дом, приобрести землю и основать собственное хозяйство. Позднее, когда их сын подрос, они отправили его учиться на Дальний Восток, где, как оказалось, и произошла моя встреча с Димой. Но это уже совсем другая история, которую я обязательно расскажу тебе позже. Сквозь завесу лет, словно яркая вспышка, пробивается образ твоей прабабушки Евдокии. До сих пор предо мной стоит её румяное лицо, длинная чёрная коса ниже пояса, пышное тело, облаченное в белоснежную сорочку, украшенную алыми узорами у горловины и на рукавах. Алые бусы, словно капли застывшей крови, обрамляли её шею, и красный платок венчал голову, подчеркивая голубизну её глаз — глаз, что так напоминали мне о моём дорогом Диме. Каждый день она представала передо мной нарядной. Иногда поверх сорочки она надевала безрукавный жакет, а к нему — пышную, красивую юбку. Вышивка на её рубашках была настолько искусной, что такой красоты я не видела нигде. Её пышное тело при этом так и играло под тканью. Забавно, что твоя прабабушка совершенно не знала, что такое бюстгальтер: она его никогда не видела, и он ей был не нужен. Свою талию она подчеркивала поясом, оставляя концы свисать. Эта гордая, красивая женщина, казалось, излучала внутренний свет. Вся деревня любовалась Евдокией. Она была самой красивой женщиной в селе, и все деревенские мужики не могли отвести от неё глаз. Прадед Михаил любил её безмерно. Помню, в комнате стоял большой дубовый комод; она достала из него наряд и одела меня в точно такой же, как у неё, и сказала:

«Что-то ты худая, плохо на тебе наша одежда смотрится, ты выглядишь неважно, не как украинская женщина; и что в тебе нашёл мой сын Митро? Ничего, мы тебя откормим». Эти слова навсегда остались в моей памяти.

Твой прадед Гриша, мой отец, обладал такой выдающейся внешностью и статью, что вызывал всеобщее восхищение. Его сердце билось в ритме восточной мудрости, ведь он происходил из Поднебесной и был китайцем по национальности. Высокий, статный, с умом, острым, как лезвие, он достиг вершин кулинарного мастерства, работая шеф-поваром в ресторане города Ворошилова, который теперь известен как Уссурийск. Однако его жизненный путь не был безоблачным. Война опалила его юность, а затем последовала служба в разведке, в самых засекреченных подразделениях спецслужб, где требовались не только физическая сила, но и поразительная стойкость. Я помню себя маленькой девочкой, мне было всего четыре годика. Я играла в детском саду, когда вдруг мир померк, и я упала без сознания, оказавшись в холодном, бескрайнем снегу. Сколько времени я так лежала, я не помню, но моя мама рассказывала, как мой отец, Гриша, примчался в детский сад, встревоженный до глубины души. Он нашёл меня, бездыханную, засыпанную снегом, и, не теряя ни секунды, повёз в больницу. Диагноз был суров — сильная простуда и воспаление лёгких. Но отец, мой дорогой Гриша, не отступал. Он долгие дни и ночи был рядом, заботливо ухаживая за мной, не давая болезни взять верх. Его любовь и самоотверженность стали моими самыми сильными лекарствами. Постоянно я вспоминаю это, и каждый раз чувствую, как тепло его рук и биение его сердца даруют мне силы. С той самой минуты, когда он спас меня из объятий снега и вернул к жизни, я стала для него настоящим сокровищем. Он оберегал меня, как величайшую драгоценность, и я чувствовала это каждой клеточкой своего существа. Больше в тот детский сад я никогда не возвращалась, но память о том дне, о его геройском поступке, навсегда осталась выгравированной в моем сердце. Эта история — не просто воспоминание, это фундамент моей жизни, символ безграничной отцовской любви, которая спасла меня и сделала меня той, кто я есть. А твоя прабабушка, моя милая мама Наташа Ах... Она была поистине пленительной русской красавицей! Словно сотканная из солнечного света и ласки, она, однако, пережила тяготы военного времени, которые оставили незаживающий след на её хрупком теле. С фронта она вернулась, лишившись драгоценного органа — почки. Но даже эта тяжёлая потеря не смогла угасить её внутренний свет. Союз Гриши и Наташи был поистине небесным. Русская красавица в сочетании с открытой душой китайца — это была гармония. Их любовь сияла, как путеводная звезда. Их чувства горели ярким пламенем, освещая путь, и, признаюсь, я могла бы бесконечно наблюдать за тем, как идеально они подходили друг другу. В их семье царила атмосфера неразрывного родства. У Гриши подрастало огромное семейство — более десяти братьев и сестёр. А у моей мамы было и вовсе двенадцать братьев и сестёр. После войны, когда страна медленно возрождалась из пепла, мы жили зажиточно, по тем временам, разумеется. Я помню, как в доме стояли бидоны, переполненные душистым мёдом, ломились столы от красной икры, еды было в изобилии. Наши китайские ковры, мамины и мои диковинные китайские платья, изящные тувельки, пышные юбки — всё это было настоящими сокровищами в пору всеобщей разрухи. Но самое бесценное — это их золотые сердца. Гриша и Наташа, словно истинные ангелы-хранители, оберегали от голода и холода всех своих братьев и сестёр, поднимали их на ноги, щедро одаривали едой и одеждой. Их главной миссией стало служение — самоотверженная забота и любовь, разлитая так же щедро, как самый душистый и сладкий мёд.

Особенно я хочу тепло отозваться о твоём дедушке Вите — он мой родной брат. Он к нам приходил, ты его видела. Наше детство было наполнено тёплыми воспоминаниями: совместными песнями, одной книгой на двоих, шутливыми обидами на то, что я родилась раньше него. Он обещал, что когда вырастет, у него будет всё, о чём он пожелает, и он позаботится обо всех детях и внуках — и своих, и тех, кого подарит жизнь. Теперь дедушка Витя станет частым

гостем в нашем доме, а его присутствие будет настоящим подарком. Он — часть нашей семьи, а ты, моя внученька, — самое ценное сокровище.

«Моё солнышко, ты вырастешь настоящей королевой, и дедушка Витя тебе в этом поможет» — он поможет тебе с детским садиком, устроит твою жизнь, и ты будешь самой счастливой на свете. Дедушка учил ходить твою маму, Наташу, и именно он заложил в неё эту лёгкую, едва уловимую походку, которая так напоминает его собственную, если присмотреться.

У дедушки Вити есть дети — Саша и Вика. Для тебя они станут дядей и тётей. У дяди Саши родилась дочь Арина. Для тебя она теперь двоюродная сестра. Милая моя, знай, что тебя окружает целая вселенная родных душ!

Но самое важное, что я хочу вложить в твоё сердце, — это зов к познанию, к глубокому пониманию мира. Слушай сердцем, вникай душой. Никогда, никогда не бойся спрашивать, не утаивай своих сомнений. Раскрой свои крылья любознательности — это бесценный дар, крылья для ума, которые поведут тебя к вершинам мудрости, к нерушимой силе духа и истинному, глубокому счастью. Молчание — это тишина, которая может скрыть много неизведанного. Тишина, моя родная внученька, может быть обманчивой, скрывая в себе бездны неизведанных знаний. Но ты — ты достойна всего, чего только может желать самое прекрасное сердце! Ты создана для великого, для сияющего будущего. Помни об этом всегда.

Дядя Саша, хоть и доверчивый, обладает добрым сердцем, но к нему стоит относиться с осторожностью, учитывая его наивность. Всегда помни о том, как вести себя с ним, ведь он не всегда способен разобраться в сложных ситуациях. Его открытость — это одновременно и дар, и уязвимость, поэтому будь с ним чуткой и внимательной, направляй его, но не дави. Сердце дедушки Вити переполнено безграничной любовью к своим детям, но особенно глубоко он переживает за дядю Сашу. В глазах деда Вити, таких мудрых и исполненных лет, таится тихая печаль, когда он наблюдает за сыном. Он видит в дяде Саше отражение своей юности — той безмятежной поры, когда мир казался простым и понятным. Но время неумолимо, и дядя Саша, несмотря на свою врожденную доброту, порой становится жертвой своей доверчивости. Дедушка Витя помнит каждую его слезу, каждый момент сомнений, и эта память отзывается в его душе нежной, но пронзительной болью. Он мечтает оградить дядю Сашу от жестокости этого мира, от тех, кто может воспользоваться его чистотой. В каждое слово, в каждое наставление дедушка Витя вкладывает всю свою душу, пытаясь передать сыну ту мудрость, которую он накопил за долгие годы. Он стремится научить его различать добро и зло, видеть истинные намерения людей, но делает это так бережно, словно прикасается к хрупкому цветку. Ведь он знает, как легко ранить такую открытую душу. Его забота — это безмолвная молитва о благополучии сына, о его счастливой и безопасной жизни.

Тётя Вика же — совсем другая. В её глазах мелькает холодный блеск корысти, а в словах затаилась паутина лжи. От неё стоит держаться как можно дальше, словно от отравленного источника. Никогда не открывай ей свою душу, не делись сокровенными мечтами и страхами, ибо она превратит их в пыль, растопчет своими корыстными желаниями. Забудь о её существовании, отдай её образу последний поклон и иди своим путём. Общение с ней — это путь в никуда, ведущий лишь к опустошению и разочарованию. Закрой своё сердце для её тлетворного влияния, сохрани свою душу чистой от её тьмы, как драгоценный кристалл, не запятнанный грязью. Дедушка Витя любит Вику безмерно. Она — самый дорогой бриллиант в его жизни, его опора и надежда. Он готов свернуть горы, перевернуть мир, лишь бы видеть её счастливой, лишь бы она была лучшей во всём. Все его мысли, все его действия направлены лишь на неё, на её благополучие. Он видит в ней продолжение себя, свою заветную мечту, воплощённую в реальность. И эта любовь, всепоглощающая и безграничная, освещает его дни, даря смысл каждому мгновению.

У дедушки Вити есть внучка Арина. Она — красивая малышка, настоящее солнышко, озаряющее мир вокруг. Но помни, моя ягодка, ты сама не менее прекрасна, твоя душа сияет

ярче всех звёзд, а сердце полно доброты и света. Постарайся подружиться с Ариной, ведь вы – словно две половинки одного целого, две сестры, чьи пути теперь переплелись. Сёстры должны поддерживать и защищать друг друга, это – священный долг, завещанный самой жизнью. Пусть ваша связь станет не просто дружбой, а настоящей симфонией душ, источником неиссякаемой силы и света. Пусть в ней отражается вся глубина вашей общей крови, вся нежность и трепет вашей взаимной любви. Эта нить, что связывает вас, должна быть прочной, как сталь, и сияющей, как бриллиант. Когда одна из вас будет слаба, другая протянет руку помощи, когда одна будет горевать, другая разделит боль и утешит. Дедушка Витя очень любит свою внучку Арину и он так же безмерно гордится тобой. Он видит в вас обеих продолжение своего рода, воплощение лучших качеств, которые он так ценит. Встреча с сестрой Ариной – это подарок судьбы, возможность обрести родственную душу, понять, что ты никогда не будешь одинока. Вместе вы сильнее, вместе вы можете преодолеть любые трудности, вместе вы – настоящее чудо. Это драгоценное время, проведенное вместе, которое оставит след в ваших сердцах на долгие-долгие годы.

Моя любимая Иларушка, драгоценная внученька, я думаю, тебе понравился мой рассказ о наших дорогих родственниках. Мы с тобой окунулись в далекие времена, вспоминая тех, кто жил до нас, кто заложил основы нашей семьи, кто передал нам свои ценности и традиции. Это так важно, Иларушка, помнить свои корни, знать, откуда ты пришла. Каждый человек — это часть большого и удивительного полотна истории, и наша семья — не исключение.

А сейчас, моя милая внученька, настало время для заслуженного отдыха. Позволь мне побаловать тебя чем-нибудь вкусненьким, а затем мы погрузимся в мир любимых сказок. Пусть волшебные истории унесут тебя в страну грёз и безграничной фантазии. Ведь перед сном так приятно предаваться мечтам. Закрой глазки, и пусть перед тобой возникнут самые добрые и светлые образы.

А завтра я с радостью поделюсь, милая моя Иларушка, с тобой ещё одной страницей из моей жизни. Это будет рассказ о моём первом большом путешествии, которое мы совершили вместе с твоим дедушкой Димой на Украину. С моим любимым единственным мужем.

Спокойной ночи, любимая внученька. Я люблю тебя больше всего на свете.

Глава 3. Отъезд из родного дома.

С добрым утром, моя родная ягодка, Иларушка!

Вот мы и подкрепились, а теперь я поделюсь с тобой своей историей.

Время неумолимо бежало, принося с собой и безграничные радости, и новые заботы.

Родился мой братик Витя — такой прелестный, такой милый малыш. Я полюбила его всей душой, всем своим существом. Он был точной копией отца, а я же унаследовала всю красоту: и материнскую, и отцовскую. Я с такой любовью нянчила его, кормила; он был поистине ангелом. С каждым годом он становился всё более прекрасным юношей.

Мы росли — два лучика света, два уникальных ребёнка; наша смешанная кровь придавала нам неповторимое очарование. Жизнь текла своим чередом, размеренно и спокойно, мы впитывали знания, пока мне не исполнилось шестнадцать. В год моего шестнадцатилетия передо мной распахнулся новый, удивительный мир — волшебный мир танцев, проходивших в стенах Уссурийского военного автомобильного училища. Это было поистине сказочное зрелище: старинные стены, дышащие историей, и, конечно, повсюду — бравые курсанты, молодые, полные жизни парни. Именно там, среди этой юной силы и отваги, я встретила его — прекрасного, статного юношу ростом под метр восемьдесят, с голубыми глазами и волосами цвета темного пепла. Он был профессиональным гимнастом, виртуозно исполнявшим сложнейшие элементы на перекладине, будь то оборот вокруг снаряда или вращения вперед и назад. Я замирала, глядя на него, и сердце мое замирало в груди. Какая же это была красота, какое восхищение!

В 1965 году мой избранник окончил военное училище, получив звание лейтенанта. Он был старше меня; его статный рост, эти пронзительные голубые глаза, вся его фигура — всё в нём завораживало, вызывало трепет. Каждая девушка того времени мечтала оказаться хоть на мгновение в его поле зрения. Мы поженились. Ему предоставили отпуск перед отправкой на новое место службы, и этот отпуск стал для нас настоящим подарком.

Твой дедушка Дима предложил отправиться в Москву, затем попутешествовать по городам Украины, ведь он был украинцем и горячо любил свою Родину. Затем он планировал отвезти меня к своим родителям, чтобы отпраздновать нашу свадьбу по всем украинским обычаям.

Мои подруги завистливо вздыхали: такой красавец-муж, да ещё и офицер, и, что самое главное, он выбрал меня!

Помню, как-то перед самой свадьбой он взял мою руку, пристально взглянул, а затем произнес слова, которые навсегда врезались в мою душу:

«У тебя будут дети от меня, их будет двое, первая — девочка. Я женюсь на тебе. Но знай: если бы на твоей руке не было знака, что у нас будут дети, я бы не женился, как бы сильно ни любил».

Его слова, слетевшие с такой пронзительной искренностью, ещё больше разжигали мою любовь.

Моя драгоценная, любимая внученька, свет моей души! Мы сделаем небольшой перерыв, чтобы вкусно перекусить, и я с большим воодушевлением продолжу свой рассказ, который унесёт нас с тобой в мир города Москвы, раскинувшейся на живописных берегах Москвы-реки. Ах, как же это завораживающе прекрасно!

Глава 4. Москва — столица Советского Союза.

Мы с твоим дорогим дедушкой прибыли в Москву; это был не просто въезд в столицу Советского Союза, а погружение в самое сердце огромной страны, её политический, культурный и научный центр.

Сегодня Москва – пульсирующий центр Российской Федерации, место, где находится резиденция Президента и сосредоточены главные сокровища культуры. Интересно, что этот великий город не всегда носил столичный статус: с 1712 по 1918 год эстафету удерживал Петроград (ныне Санкт-Петербург). Но Москва окончательно вернула себе корону в 1918 году.

Москва встретила нас бурлением жизни, какой-то особенной, ни с чем не сравнимой атмосферой! Улицы кипели людьми – одни наслаждались прогулкой, другие неслись по неотложным делам. Воздух звенел от многоголосья города: смех, оживленные беседы, неумолимый шум машин – всё это сливалось в единую мелодию. Мы гуляли по Красной площади, замирая перед величием Кремля, восхищаясь его архитектурой. Я отчетливо помню, как мы, взявшись за руки, стояли у кремлевских стен, наши взгляды устремлялись вверх, к остроконечным шпилям башен, и сердце наполнялось трепетом.

В те дни Москва ощущалась нами как центр Вселенной, точка отсчёта всех путей.

Мы с дедушкой простояли в большой очереди, чтобы посетить усыпальницу Ленина. После кончины Владимира Ильича в начале 1924 года Центральный Комитет партии получил множество обращений с просьбой не хоронить тело Ленина в земле. В результате было принято решение возвести над ним мемориальное сооружение. Мавзолей представляет собой весьма впечатляющее строение, чей архитектурный стиль не имеет аналогов.

Немного отвлекусь от основного рассказа. Когда твоей маме Наташе исполнилось двенадцать лет, мы с твоим дедушкой Димой взяли отпуск и специально привезли твою маму в Москву. Мы хотели, чтобы она сама увидела и поняла, что собой представляет Мавзолей. Твоя мама видела Ленина в усыпальнице.

Посещение Арбата, рассказы о вожде революции и, само собой разумеется, визит в Третьяковскую галерею — всё это было в программе. Эта поездка в Москву произвела на твою маму Наташу глубокое впечатление. Она с огромным воодушевлением делилась с нами впечатлениями от увиденного: от величественной постройки Мавзолея, от масштаба очередей и от людей, стремившихся выразить свое почтение. Истории о Ленине, о его значении в прошлом, волновали её юное сознание.

Для неё это было не просто ознакомление с прошлым, а настоящее погружение в историю государства, одним из поворотных моментов которой стало данное событие. Столичная поездка дала твоей маме Наташе возможность приобщиться к русскому изобразительному искусству. Третьяковская галерея раскрыла перед ней мир шедевров, знакомых ей прежде лишь по иллюстрациям в учебных пособиях. Мощь полотен, талант живописцев, запечатленная на холстах эпоха — всё это стало ценным вкладом в её культурный опыт. Твой дедушка, движимый глубокой любовью и заботой о твоей маме Наташе, настоял на этом визите в Москву, желая, чтобы его дочь увидела самое главное, что может предложить город. И я, как заботливая мама и супруга, полностью поддержала его стремление.

Возвращаясь к нашей истории с дедушкой Димой. Следующий день мы провели с твоим дедушкой в Третьяковской галерее. Мы ходили по залам, восхищаясь шедеврами. Потом мы отправились на концерт в Большой театр. Это было что-то невероятное! Величественное здание, блеск люстр, звуки оркестра и, конечно же, «Лебединое озеро» Петра Чайковского...

Я до сих пор помню себя, моя дорогая Иларушка, себя восемнадцатилетней, ещё совсем молодой и красивой, вместе с мужем в театре.

Это было прикосновение к настоящему искусству, к чему-то вечному и прекрасному. Москва оставила в моей памяти неизгладимый след. А вечером мы сидели в уютном кафе, пили чай и обсуждали наши планы, мечтая о будущем. Казалось, что вся жизнь впереди, полная приключений и открытий. Это было начало нашей большой совместной семейной жизни, и Москва стала первым незабываемым аккордом нашей семейной мелодии. На следующий день, когда утреннее солнце уже заливало город золотистым светом, мы с твоим дедушкой решили отправиться на Арбат. Это было мое давнее желание — пройти по этой знаменитой улице, окунуться в её неповторимую атмосферу, пропитанную духом творчества и истории. Дедушка, всегда готовый поддержать мои начинания, с радостью согласился.

Арбат встретил нас оживленной суетой. Уличные музыканты играли мелодии, которые, казалось, сами собой переплетались с шумом шагов и голосами прохожих. Художники, расположившись со своими мольбертами, терпеливо ждали, когда кто-то из прохожих захочет запечатлеть себя или своих близких на холсте. Особенно нас привлёк один художник, чьи работы отличались особой живостью и выразительностью. Мы решили заказать у него портрет.

Когда художник закончил, мы с твоим дедушкой замерли в изумлении. На холсте мы предстали красивыми, полными жизни и энергии. Но больше всего поразил образ дедушки. Он был изображён в парадной военной форме, с лейтенантскими погонами на плечах. Это было так неожиданно и так трогательно! Портрет получился просто удачным.

Мы долго стояли, любуясь этим произведением искусства. Арбат с его неповторимым обаянием подарил нам не только прекрасный портрет, но и незабываемые впечатления, которые навсегда останутся в моём сердце. Этот день стал ещё одной драгоценной страницей в книге нашей семейной истории.

Затем мы отправились на Украину, оставив в сердце тёплые воспоминания о городе Москве. Этот город навсегда остался в моей памяти как символ молодости. Его дух, суета и красота навсегда запали мне в душу, сделав этот этап нашего с твоим дедушкой путешествия незабываемым.

А сейчас, перед тем как отправиться в царство сладких снов, давай, милая внученька, совершим путешествие в волшебный мир сказок. Я прочитаю тебе историю про трёх поросят.

Жили-были на свете три братца-поросят: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Все они были дружными и озорными, но в одном очень отличались: Ниф-Ниф был самым ленивым, Нуф-Нуф — немного посмелее, а Наф-Наф — самым умным и трудолюбивым. Когда пришло время поросятам строить себе дома, Ниф-Ниф, недолго думая, насобирал соломы и за полдня построил себе лёгкую и быструю хижину.

«Пусть подует ветер, — радовался он, — мой домик не рухнет!»

Нуф-Нуф же, немного потрудившись, построил себе дом из веток. Он был крепче соломенного, но тоже не вызывал у Наф-Нафа доверия. А Наф-Наф, не спеша, отправился добывать камни. Он трудился весь день, складывая из них крепкие стены, а затем и прочную крышу. Его дом был самым основательным и надёжным. И вот, как и предвидел Наф-Наф, явился в лес Серый Волк. Его голод толкал на злые дела. Увидев домик Ниф-Нифа, он подошёл и грозно сказал:

«Поросянок, поросянок, отвори мне дверь!»

Но Ниф-Ниф, перепуганный, отказался. Тогда волк набрал побольше воздуха и дунул так сильно, что соломенный домик разлетелся во все стороны. Бедный Ниф-Ниф бросился к дому Нуф-Нуфа. Волк, не теряя времени, уже стоял у дома из веток. Увидев двух поросят, он снова потребовал открыть дверь. Братья испугались, но дверь не отворили. Волку и здесь хватило силы: он дунул, и домик из веток развалился. Ниф-Ниф и Нуф-Нуф, рыдая, помчались к дому Наф-Нафа.

«Пусти нас, брат?» — прокричали они, запыхавшись.

Наф-Наф, не раздумывая, впустил их. Волк, довольный, что добыча почти в его лапах, подошёл к каменному дому. Он дул, дул, дул но дом стоял как ни в чём не бывало. Тогда волк, рассвирепев, решил залезть на крышу и свалиться в трубу. Но Наф-Наф был готов к такому повороту событий. Он поставил на огонь большой котёл с водой. Когда волк спустился по трубе, он угодил прямо в кипяток! С жалобным визгом он выскочил из котла и убежал из леса навсегда. Так три братца-поросёнка стали жить вместе в крепком каменном доме. Ниф-Ниф и Нуф-Нуф поняли, что без труда и заботы их ждут беды. Они стали помогать Наф-Нафу, и жили они с тех пор дружно и счастливо.

А сейчас — приятных снов, милая моя внученька и пусть тебе приснятся только самые добрые и красивые сны, как и положено моей любимой внученьке.

Глава 5. Севастополь — город русской славы.

Доброе утро, моя милая внученька! Мы только что позавтракали, и я хочу поведать тебе одну дивную историю о Севастополе — городе русской славы.

С XVIII века он гордо несёт знамя главной базы Российского флота на Чёрном море, по праву нося звание «Города-героя», чья история овеяна доблестью.

В Севастополе множество дивных уголков, где мы с твоим дедушкой Димой побывали. Позволь мне рассказать тебе о тех местах, где нам посчастливилось оказаться в этом жемчужном городе.

Он раскинулся на ласковом берегу Чёрного моря, словно драгоценный камень, переливающийся на солнце. Севастополь — это не просто город, это настоящая легенда, чьи улицы дышат солёным морским бризом и пропитаны героическими деяниями.

Севастополь, чье имя окутано легендами и величием, по праву носит звание жемчужины Крыма, притягивая к себе сердца ищущих безмятежности на берегах полуострова.

Я помню, как мы с твоим дедушкой устремили наши души к этим благословенным берегам Чёрного моря. Сердце жаждало ласковых объятий его тёплых вод, душа — исцеляющего покоя. Севастополь предстал перед нами во всём великолепии своих пляжей, каждый из которых пел свою уникальную песню, маня своей неповторимой атмосферой. Но тогда, в тот самый момент, наши сердца были отданы одному особенному уголку — «Солдатскому пляжу».

Моя дорогая Иларушка, послушай, какая удивительная история у этого места, которое называлось «Солдатским пляжем». Рядом располагалась военная часть, пляж был диким. Представь, когда-то, в 1975 году, пляж получил название «Солнечный», как будто приняв на себя всё тепло и свет. Рядом с пляжем, словно ласковое объятие, раскинулся чудесный парк, названный в честь нашей великой Анны Ахматовой в знак признания её глубокой души и неповторимого таланта. А до этого, в далёком 1966 году, в год рождения твоей мамы Наташи, эти волшебные берега стали сценой для создания настоящей сказки — знаменитого фильма «Сказка о царе Салтане».

Сегодня, моя милая, именно эту сказку я тебе прочитаю. И когда ты, моя драгоценная, вырастешь в прекрасную девушку, обретёшь свою семью и, возможно, сама сюда придёшь, пусть это место напомнит тебе обо мне, о моей любви и о том, что здесь когда-то оживали самые невероятные сказочные герои. Обязательно побывай здесь, почувствуй ту магию, которая вдохнула жизнь в сказочные образы, и вспомни, как сильно я тебя люблю, моя девочка!

Семь незабываемых дней мы провели с твоим дедушкой на живописном побережье, погруженные в абсолютное счастье. Время текло незаметно, заполненное блаженным наслаждением: мы дарили свои тела согревающим объятиям солнечного света, позволяя его нежным лучам проникать глубоко в кожу, и, разумеется, окунались в кристально чистые просторы Чёрного моря. Его бескрайняя лазурь дарила нам чувство полного покоя — неземное ощущение умиротворения, которое пронизывало до глубины сердца. Каждый закат был для нас настоящим чудом, зрелищем, от которого захватывало дух: небо вспыхивало мириадами красок, превращаясь в неповторимое полотно, а нежный шёпот волн, разбивающихся о берег, убаюкивал наши уставшие тела, наполняя их сладкой дремотой.

После проведённого времени на бескрайних просторах Чёрного моря, когда знойные дни, наполненные солёными брызгами и шелестом волн, начали оставлять ощущение некоторой монотонности, я и твой дедушка Дима приняли решение отправиться на поиски вдохновения и красоты, прогулявшись по самым изысканным и живописным улицам Севастополя. Мы искали новые впечатления.

Улицы города, казалось, особенно заиграли новыми красками и обрели особый, неповторимый смысл именно в тот момент. Мы направились к жемчужине Севастополя — Мат-

росскому бульвару, который без преувеличения можно назвать самым живописным уголком этого славного города. Здесь, среди зелени раскидистых деревьев и благоухающих цветов, раскинулся чудесный парк, по которому мы неумоимо гуляли с твоим дедушкой Димой, наслаждаясь умиротворяющей атмосферой и весенней свежестью.

Симфония природы и городской архитектуры разворачивалась перед нашими глазами. С бульварной аллеи открывались захватывающие дух панорамы на величественную Севастопольскую бухту, где могучие корабли, словно стражи, гордо стояли на якоре, отражаясь в зеркальной глади воды. Очарование момента усиливалось, когда мы случайно наткнулись на знаменитую танцевальную площадку, расположенную в самом сердце парка.

Под звуки струящейся музыки, которая, казалось, была специально написана для этого дня, мы не смогли устоять и окунулись в вихрь танца. Каждый шаг, каждое движение были наполнены искренней радостью и счастьем. Мы танцевали, забыв обо всём на свете, отдавшись потоку эмоций, и это было поистине прекрасно. Этот момент, запечатлённый в моём сердце, навсегда останется одним из самых ярких и незабываемых воспоминаний, освещаая мою жизнь тёплым светом.

В тот день наши души жаждали праздника, и мы отправились на проспект Нахимова, чтобы разделить радость с Ромой — старым другом дедушки, отмечавшим свой день рождения. Шаг за шагом мы шли по широкому бульвару, который, словно рука, простирался до самого лазурного моря. Эта безграничная гладь воды придавала всему особую, пленительную красоту. Ощущение простора захватывало дух, морской бриз ласково наполнял наши лёгкие, даря ни с чем не сравнимую свежесть, а величественный масштаб бухты вызывал трепет и восхищение. Мир вокруг казался воплощением совершенства!

Дом друга дедушки распахнул для нас свои двери. В знак нашего глубокого уважения и добрых пожеланий мы преподнесли ему роскошный букет гвоздик, сладкий торт, а также особый подарок — знаменитые командирские часы твоего дедушки, предназначенные для его близкого друга. Наш вечер был наполнен искренним весельем. Собрались самые дорогие сердцу дедушки люди: его верные друзья, brave офицеры, настоящие парни, каждый со своей прекрасной спутницей.

Души их были полны гордости и чести.

Когда торжество подошло к концу, мы вновь отправились бродить по проспекту Нахимова, унося в сердце тепло этого вечера и любясь открывшейся перед нами картиной бухты. Наш взгляд, невольно устремлённый к водной глади, был пленён величественной Графской пристанью. Её узнаваемая колоннада, словно страж, стояла на посту, а монументальные лестницы, устремлённые к воде, казались приглашением в мир бесконечных возможностей и глубоких воспоминаний.

Уставшие, но счастливые, мы с дедушкой Димой отправились переночевать в знаменитую по тем временам гостиницу «Севастополь». Она для нас стала ярким примером монументальной архитектуры: шестиколонный портик, строгие линии, выразительный силуэт. В номере было прекрасно. Мы попили чаю и легли спать.

Мы не смогли посмотреть в городе Севастополе всё, что хотели: нам нужно было уезжать, времени оставалось мало. Но через двенадцать лет мы с твоей мамой Наташей вновь вернулись в город, чтобы показать ей город. Мы хотели, чтобы она побывала на пляжах и увидела все достопримечательности, которые мы не успели осмотреть в том далёком 1965 году.

Спустя годы город Севастополь встретил нас иным, но всё таким же величественным и полным истории. Мы вновь остановились в гостинице «Севастополь», и стены гостиницы, казалось, шептали нам о былом. Твоя мама Наташа с восторгом осматривала город; её глаза сияли, когда она впервые увидела море. Мы бродили по улицам, посетили Малахов курган, Графскую пристань, памятник Затопленным кораблям. Каждый уголок города дышал героическим прошлым, и мы с гордостью рассказывали твоей маме Наташе о подвигах, совершённых

ных здесь. Вечером, сидя на набережной, мы любовались закатом над бухтой, вспоминая нашу первую встречу с этим удивительным городом. И теперь, глядя на счастливое лицо твоей мамы Наташи, мы понимаем, что эта поездка — настоящее воплощение нашей общей мечты.

Моя внученька Иларушка, время ужина, и я исполню своё обещание — прочту тебе сказку.

Её автором является великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, и закончил он её в 1831 году. Это история:

«О царе Салтане, о его доблестном и могучем сыне, князе Гвидоне Салтановиче, и о прекрасной царевне Лебеди».

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица,
— Говорит одна девица,
— То на весь крещёный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица,
— Говорит её сестрица,
— То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица,
— Третья молвила сестрица,
— Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица,
— Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая — повариха»...

Глава 6. Гармонь в Смолянке.

Моя любимая внученька, доброе утро! Как же я рада слышать твой голос этим чудесным утром. Надеюсь, тебе спалось сладко-сладко, моя золотая, и что твои сны были лёгкими и красивыми, как лепестки цветущего сада. Пусть сегодняшний день подарит тебе только тепло, улыбку и что-нибудь волшебное. Ты ведь знаешь, что я люблю делиться с тобой историями из моей жизни. Это как перелистывать страницы старого, дорогого сердцу альбома. Сегодня я расскажу тебе о дне, который стал для меня особенным началом — о том, как мы с твоим дедушкой завершили наше маленькое путешествие по городам и отправились в Украину, в Черниговскую область, в деревню Смолянка.

Я помню этот день так, будто это было вчера, хотя с тех пор прошло уже много лет.

Июль стоял на редкость сухой и звонкий, и даже пыль на просёлочной дороге пахла особым образом — мёдом и нагретой за лето пылью. Мы ехали в деревню Смолянку.

Тогда мне было всего восемнадцать лет, и слово «Смолянка» казалось мне чем-то волшебным, вроде названия далёкой сказочной страны, где дома сделаны из пряников, а вместо заборов — леденцы. На самом деле это была просто деревня в три десятка дворов, затерянная среди холмов и густых осинников, но для меня, городской девчонки, она стала целым миром.

Твой дедушка сидел рядом со мной на заднем сиденье старенького деревенского автобуса; в автобусе ехали деревенские девушки с корзинками, накрытыми белыми полотенцами. Оттуда пахло пирогами с капустой и вареной картошкой — девушки угостили нас пирогом и весело смеялись.

Дорога вилась между полей. Иногда мелькали стога сена, похожие на огромные рыжие шапки, и мне казалось, что под ними спят великаны. А потом начался лес. Он обступил нас с двух сторон тёмной, прохладной стеной, и в автобусе сразу стало тише. Солнце пробивалось сквозь ветки редкими золотыми монетами, и я ловила их ладонью, пытаюсь удержать тепло.

— Осталось немного, — сказал твой дедушка, и его голос прозвучал как-то по-особенному мягко.

Я прижалась носом к стеклу и увидела, как лес начал расступаться.

Мы ехали и ехали, а когда наконец приехали, я ожидала увидеть унылые пейзажи, но то, что предстало передо мной, когда старенький автобус, пылящий по грунтовке, остановился на краю села, было похоже на сон.

И мы пошли пешком по деревне — я словно попала в сказку, которую раньше видела только на картинках. Деревня Смолянка утопала в зелени. Воздух был таким плотным от запаха цветущих яблонь и мёда, что, казалось, его можно было резать ножом. Это было то самое место, где цветут сады.

И нас встретила не тишина, а... звук. Станный, многоголосый, живой. Он не был громким, но он был везде. Это стрекотали кузнечики, шуршала трава, где-то далеко мычала корова, и этот звук был настолько древним, что казалось, будто сама Земля вздыхает во сне.

Первый шок — это воздух. В городе воздух — просто условие существования, невидимая субстанция. Здесь же он имел вкус. Сладковатый, терпкий, с горчинкой полыни и медовым ароматом клевера.

Вся деревня утопала в цветущих садах. Белоснежные и розовые облака яблонь и вишен, казалось, парили над каждым двором. Воздух был таким густым и сладким, что кружилась голова. А вокруг, моя хорошая внученька, кипела жизнь, которой я раньше никогда не видела: по улицам важно расхаживали утки и гуси, деловито вышагивал петух, а прямо по дороге, весело похрюкивая, бегали настоящие свиньи! Я, городская девчонка, смотрела на это с открытым ртом — впервые в жизни я видела живых свинок, свободно бегающих по деревне! Это было так удивительно и по-доброму смешно. Когда мы подошли к дому твоей прабабушки, я

ахнула. Прямо напротив дома раскинулось огромное, просто невероятное озеро. Вода в нём блестела, как зеркало, а по нему плавали белые и серые утки, оставляя за собой расходящиеся круги. Красота была неописуемая! Потом мы пошли к озеру с твоим дедушкой. Вода в нём была тёмная и спокойная, как зеркало. Вдоль берега плавали утки, лениво переругиваясь между собой. Я села на старый пенёк и замерла, глядя на воду. Твой дедушка нырнул за кувшинками для меня. А я, городская девушка, сидела на берегу и боялась запачкать туфельки. И я поняла, что это не просто озеро. Это место, где время остановилось. Здесь не было города, не было той городской квартиры. Здесь была просто я, твоя бабушка, которая любила и была любимой. Я сидела, любовалась озером, своим мужем и жадно глотала эту густую смесь, чувствуя, как из легких вымывается вся городская копоть. И тут меня осенило, что деревня Смолянка — это не просто деревня. Это начало. Там, где цветут сады, всегда есть место для чуда, для любви и для самой важной в мире вещи — для дома.

Есть в памяти моей одно место, куда я возвращаюсь чаще, чем в реальные города и страны. Оно не отмечено ни на одной карте, у него нет названия — только внутреннее, тёплое обозначение.

«Озеро, где плавали утки».

Это не просто точка на местности. Это срез времени, остановленное мгновение, застывшее в янтаре сознания.

Я помню тот день с пугающей, хрустальной ясностью. Воздух был настолько чист и прозрачен, что, казалось, можно разглядеть каждую пылинку, танцующую в косых лучах солнца.

Само озеро было огромное, обрамлённое бархатистой зеленью осоки. Вода в нём не отражала небо, как зеркало. Она впитывала его, делала глубже и таинственнее. Где-то на середине, в лёгкой ряби, плавали утки и кувшинки.

Они не кричали, не суетились. Они просто были. Три или четыре утки, бесшумно скользящие по воде, оставляя за собой едва заметные усы-волны, которые тут же исчезали в маслянистой глади. Их движения были исполнены той первозданной грации, которая недоступна ни одному человеку. Они были центром этой маленькой вселенной. Смотришь на них — и время замедляется. Оно начинает течь не секундами, а каким-то густым, тягучим мёдом.

И была тишина. Не звенящая, не мертвая, а живая, наполненная шёпотом. Шелест камыша, лёгкий всплеск от утинового клюва, опущенного в воду за ряской, далёкий, едва различимый гул трактора за лесом. В этой тишине можно было услышать, как бьётся собственное сердце и как в такт ему дышит озеро.

Почему именно этот момент запечатлелся в моей душе с такой фотографической точностью? Ведь после него было много других озёр, других рассветов и других уток. Но именно это озеро стало моим личным символом покоя.

Мне кажется, дело в том, что в тот момент я впервые осознала ценность простого счастья. Я просто сидела и смотрела. Я позволила этому миру существовать без моего участия. И это было величайшее откровение.

Это озеро — метафора всего, что было по-настоящему мне дорого. Оно хранит в себе и юношескую мечтательность, и первую осознанную любовь к природе, и ту щемящую грусть, которая приходит только с опытом. Утки в этом озере — не птицы. Это мои надежды. Они плавают по глади времени, ныряя то в прошлое, то в будущее, но всегда оставаясь на плаву. Они не улетают. Они ждут.

Когда жизнь становится слишком шумной, слишком быстрой, слишком требовательной, я закрываю глаза, моя любимая Иларушка. И я снова сижу около озера. Я слышу, как скрипит под ногами трава, чувствую, как прохладный ветерок касается лица, и вижу, как те самые утки, наклонив головы, неторопливо плывут к камышам.

Это моё убежище. Место, где нет ни завтра, ни вчера. Есть только вечное «сейчас», в котором вода темна, небо высоко, а утки прекрасны в своей безмятежности.

Я знаю, что однажды я туда вернусь. Не наяву .

— То озеро, наверное, давно заросло ряской. Но в той реальности, где живут воспоминания, оно всё такое же. Оно вечно. Потому что память — это не архив, а живой сад. И в центре этого сада всегда плещется озеро, где плавают утки, отражая небо, которое никогда не кончается.

И тут, как в самом лучшем кино, из калитки вышли друзья твоего дедушки. Они были одеты в красивые, расшитые украинские рубашки, нарядные, а в руках у них были настоящие гармошки.

Гармошка — инструмент. Это душа народа. В ней слышится и плач скрипки, и звон бубенцов, и дробный перестук копыт, и девичий смех. Она умеет говорить. Спросишь её — она ответит. Пожалуешься — она утешит. Пустишься в пляс — она разгонит кровь так, что и старый дед вспомнит, как гарцевал на коне.

Гармошка поёт — и дом превращается в храм. В храм радости, где нет места печали, потому что музыка, как добрый лекарь, заговаривает любую боль.

А затем вышли твоя прабабушка Евдокия и прадедуська Михайло. Наряженные и красивые, с улыбками радости и счастья. Они вышли к нам с караваем хлеба и солью на расшитом рушнике, как и положено встречать самых дорогих гостей.

И тут в голове моей возникла былина:

Есть на свете земля, где сама степь поёт, где ветер носит полынь и мёд, а заря встаёт из-за плетней, умытая росой.

Земля эта — как рушник вышитый, как песня долгая, как хлеб горячий.

И всё в ней держится на трёх китах: на каравае, на гармошке и на том великом чувстве, что люди зовут гостеприимством.

Не с порога начинается дом, а с порога хлебом.

Ещё до того, как гость переступит порог, до того, как скрипнут половицы, — распахивается настежь дверь, и в ней, как солнце в ладонях, плывёт каравай.

Он не просто пища. Он — чудо, рождённое из земли, пота и молитвы. В каждом его боку — борозда, проложенная плугом; в каждой корочке — закат, что стоял над нивой; в каждом вздохе пара — дыхание печи, что ласково приняла его в своё тёплое нутро.

Каравай этот — румяный, высокий, словно шапка казацкая. Украшен он дивными узорами: колосьями, что тянутся к небу, птицами, что вьют гнёзда, и розами, что цветут, не увядая. Он лежит на рушнике, шитом золотыми и червонными нитями, и кажется, что это не ткань, а сама история рода, вышитая прабабушкиными руками.

А рядом — соль. Белая, как чистый помысел, в солонке резной. Соль — это память земли, её горький и мудрый вкус. И когда хозяин подносит хлеб-соль, он говорит не словами, а сердцем:

«Всё, что у меня есть, — твоё. Моя земля, мой труд, мой дом. Раздели со мной эту радость».

Отломишь кусочек — а он ещё тёплый, мякиш тает во рту, и по жилам разливается та самая, первородная сила, от которой и трава растёт, и человек добреет.

Это был такой трогательный момент, что у меня на глаза навернулись слёзы.

Есть в народной памяти вещи, моя милая Иларушка, которые говорят громче любых слов. Не потому, что они кричат, а потому, что молчат с той особенной, выстраданной мудростью, которая приходит только с годами и только через разлуку. Рушник — это не просто полотно. Это летопись, вышитая нитями. Каждый стежок в нём — это вздох, каждая переплетённая нить — это судьба, а бахрома на концах — словно дороги, что разошлись и снова сошлись в единый узел.

Когда-то давно, на заре туманной юности, этот рушник вышивала прабабушка Евдокия. Она думала о том, каким будет путь её сына, моего мужа. Она вплетала в узор не просто крас-

ные и чёрные нити — она вплетала в него свою молитву. Красным — любовь, что согреет в дороге. Чёрным — силу, что уберёжёт от зла. А белым, чистым полем — надежду на то, что сердце её сына никогда не очерствеет.

Сын её уехал далеко, очень далеко. Сначала — учиться, потом — встретил меня, молодую, красивую. Он звонил по праздникам, присылал открытки с видами чужих городов, но между строк его коротких писем Евдокия всегда читала то, что он не говорил вслух. Она чувствовала, как ему трудно, как он устал, как он одинок среди миллионов людей. Она не спала ночами, но не смела звать его назад, потому что знала: ему нужно жить своей жизнью.

И вот наступил тот день. День, который она ждала. Он вернулся со мною, молодой, красивой женой.

Евдокия так смотрела на своего сына, а я наблюдала за её взглядом. В этом взгляде было всё: и бессонные ночи, и страх за него, и гордость, и невысказанная обида на то, что он был так далеко. Из её глаз просто потекли слёзы, тихие, тёплые, долгожданные.

Я поняла в тот момент, что материнская слеза — это самая сильная броня на свете.

Они повели нас в дом.

Высокий, белёный, с резными наличниками, которые смотрели на меня, как подслеповатые, но добрые глаза. Внутри пахло хлебом, сушёными яблоками и ещё чем-то неуловимым, что я не могла описать словами. Наверное, это пахло временем. Оно здесь не бежало, не торопилось, как на моих часах. Оно текло медленно, как мёд с ложки, и мне казалось, что секундная стрелка где-то там, в городе, сошла с ума, а здесь — единственное правильное время.

А там... Боже мой, в доме стоял огромный стол, ломящийся от самой вкусной украинской еды. Я таких яств и не видывала никогда. А вокруг звучала музыка — дедушкины друзья играли на гармошках, а прабабушка и прадедушка пели. Пели так душевно, так красиво и тепло, что сердце замирало. Понимаешь, внученька, в тот момент я поняла, что такое настоящее гостеприимство, настоящая любовь и тепло родного очага. Это было не просто веселье — это была душа семьи, которая приняла меня в свои объятия.

А посреди всего этого — родственники твоего дедушки, шумные, гостеприимные, с открытыми сердцами и щедрыми руками. Они не спрашивают: «Кто ты?» — они говорят, что я — молодая, красивая жена.

Здесь не скупятся на слова и на угощение. Здесь нальют полную миску борща, такого густого, что ложка стоит, крошат сала с чесноком и подадут вареники с вишнями, которые тают во рту. Здесь чокаются так, что звон разносится до самого неба, а песни поют так, что слышно в соседнем селе.

Гостеприимство украинское — не этикет, не правило. Это закон крови. Это знание, что хлеб на столе — для того, чтобы его разделить, а музыка — чтобы ею делиться.

И когда гармошка смолкает, а каравай превращается в крошки, в душе остаётся тёплый, ровный свет. Это свет того самого дома, где тебя ждали. Где для тебя испекли хлеб. Где для тебя сыграли песню.

Моя милая внученька.

Так и живёт эта земля: с караваем на рушнике и гармошкой на коленях. И покуда месится тесто и льётся музыка, покуда в окнах горит свет и стол не пустует — не оскудеет душа человеческая и не закроется дверь для друга.

Ибо хлеб — это мир.

Соль — это мудрость.

А гармошка — это вечная, бессмертная любовь.

Приходите. Дверь открыта. Каравай — на столе. Гармошка — в руках. Ждём.

Ты спрашиваешь, что было дальше, — а я так рада, что тебе интересна моя история, моя дорогая. Я сейчас заварю тебе и себе чай с мятой и будто снова перенесусь в тот благословен-

ный день. Придвинься поближе ко мне, моя хорошая, — я расскажу тебе, что случилось после того, как мы переступили порог того волшебного дома.

Помнишь, я остановилась на том, что вокруг звучали гармошки и пели твои прабабушка с прадедушкой? Так вот, родная моя, это пение и музыка не смолкали до самого вечера. Я тогда впервые в жизни услышала настоящие украинские песни — не с пластинки, а живьем. Они лились так свободно, так глубоко, что мне казалось, будто я плыву по тому самому озеру, в котором плавали утки, а голоса — это волны, что несут меня к берегу.

А потом... Ох, внученька, потом началось самое чудесное. Прабабушка Евдокия взяла меня за руку — у нее были такие тёплые, натруженные ладони, мягкие, как подушечки, — и повела меня во двор. Там, под огромной раскидистой яблоней, стоял старый деревянный стол, а на нём... ты не поверишь! — стояла банка с топленным молоком, а рядом — глиняная миска, полная спелой черешни.

«Это тебе, городская моя, — сказала она. — Ешь, набирайся сил. Небось у вас в городе такого нет?»

И знаешь, моя золотая, внученькая ведь правда я никогда не пробовала такого топленого молока! Оно было с золотистой пенкой сверху, пахло дымком и летом. А черешня — крупная, тёмная, сочная — таяла во рту, как мёд. Мы сидели под яблоней, вокруг нас гуляли куры, а прабабушка рассказывала мне, как они с прадедушкой строили этот дом, как сажали сад, как пережили войну.

Знаешь, внученька, что я поняла в тот день? Что счастье — оно ведь не в богатстве и не в городе. Оно — вот в этих руках, что обнимают тебя, в этом голосе, что поёт тебе колыбельную, в этом молоке, что налито для тебя с любовью. Я тогда была молодой, глупой, думала, что жизнь — это планы и достижения. А оказалось, жизнь — это просто быть рядом с теми, кто тебя любит.

Потом мы вернулись в дом, и там уже накрывали стол для вечерней трапезы. Ах, внученька, если бы ты видела этот стол!

Вареники с вишней и картошкой, пампушки с чесноком, домашняя колбаса, сало с прожилочкой, соленые огурцы из бочки, квашеная капуста, а в центре — огромный пирог с яблоками, который испекла прабабушка специально к нашему приезду. Дедушка твой, тогда уже мой муж, так гордо смотрел на меня, когда я пробовала каждое блюдо и ахала от восторга.

А вечером, когда солнце опустилось за озеро и вода стала розовой, мы вышли на улицу. Друзья дедушки взяли гармошки, и вся деревня, казалось, собралась на улице. Молодёжь водила хороводы, кто-то пел, кто-то танцевал. А я стояла и думала:

«Боже мой, я дома».

Хотя родилась я совсем в другом месте, в тот вечер я почувствовала: вот оно, моё настоящее, самое глубокое, самое тёплое место в мире — рядом с этим человеком, с моим мужем, рядом с этими людьми, в этой деревне, где пахнет яблоками и свежим хлебом.

Вечером прабабушка повела меня и твоего дедушку в баню. И вот тут контраст достиг своего пика. Мы с твоим дедушкой остались вдвоём: мы были молоды и счастливы. Здесь — этот жар, от которого перехватывает дух, запах берёзового веника и ледяная вода из колодца, от которой сердце сжимается в комок, а потом взрывается миллионом искр. Я вылетела из предбанника, покрасневшая, с мокрыми волосами, и упала в высокую, прохладную траву. Я смотрела на небо.

Господи, это небо. Я никогда не видела такого неба. В городе оно было плоским, серым или синим, но всегда — далёким, как экран кинотеатра. Здесь же звёзды висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Они не просто светили — они горели, мерцали, переливались, словно живой узор на чёрном бархате. Млечный Путь был не туманной полосой, а дорогой, по которой, наверное, шли ангелы.

И тут я поняла, что твоя прабабушка — не просто женщина. Она — хранительница этого мира. Она знает, когда сажать картошку, почему луна влияет на огурцы, откуда берётся роса и как разговаривать с курами. Она — часть этой вселенной, а я — лишь испуганный гость, который всю жизнь смотрел на жизнь через стекло.

Потом прабабушка Евдокия постелила нам на сеновале. Сено пахло так, как не пахнет ни одна подушка в мире. Я лежала со своим любимым мужем и смотрела на огромные, невероятные звёзды в чёрном небе. И в тот момент я поняла, моя внученька.

Знаешь, есть дни, которые пролетают, как серая лента новостей, — мелькают и исчезают без следа. А есть те, что врезаются в память раскалённым клеймом, переворачивая всё внутри.

Это случилось не в шумном городе и не в экзотической стране. Это случилось там, где я меньше всего этого ожидала — в тишине деревни. В тот день мир вокруг меня потерял свои краски, чтобы засиять новыми, невиданными оттенками.

Я помню каждую деталь. Это был не взрыв и не крик. Это было нечто большее — щемящее чувство в груди, которое невозможно спутать ни с чем другим. Внезапно я осознала, что стою на пороге чего-то огромного, того, что изменит мой внутренний компас навсегда. Я смотрела на простые вещи — на лицо любимого мужа напротив. И в этот самый момент я увидела их по-настоящему. Впервые за долгое время.

Я не буду говорить, что это было за событие. Не потому, что это секрет, а потому, что важна не сама причина, а то, какое эхо оно оставило в душе. В тот день я поняла, что *счастье — это не пункт назначения, к которому нужно мчаться на всех парах*. Оно всегда было рядом, просто я слишком долго смотрела вдаль, чтобы разглядеть его у себя под ногами.

Я помню, как моё сердце билось так громко, что заглушало тиканье часов. Как по коже пробежали мурашки, а глаза защипало от той самой предательской влаги, которую мы так старательно прячем, но которая выдаёт нас с головой. В тот момент я не стыдилась своих эмоций. Наоборот, я впервые за долгое время почувствовала себя живой. Настоящей. Цельной.

Тот день подарил мне не просто воспоминание. Он подарил мне новую точку отсчёта. Он разделил мою жизнь на «до» и «после».

«До» — это было недоверие своему сердцу, полное суеты.

«После» — это жизнь, в которой я наконец-то научилась слышать собственное сердце и доверять ему.

С тех пор прошло много времени, но я до сих пор, закрываю глаза, вижу те звёзды в небе. Я до сих пор чувствую тот самый вкус воздуха — сладковатый и пьянящий. Тот день стал моим якорем, моим тихим убежищем, куда я возвращаюсь, когда мир становится слишком громким.

Я часто думаю: а что, если бы я тогда отвлеклась? Что, если бы я, как обычно, пробежала мимо этого мгновения? Я бы так и осталась слепой, не заметившей главного чуда.

Но я не отвлеклась. Я была там. Я видела. Я почувствовала. Я любила. И именно поэтому сегодня я могу сказать с абсолютной уверенностью: моя милая, есть дни, которые мы переживаем, а *есть дни, которые переживают нас*. Тот самый день стал для меня не просто датой в календаре. Он стал моим вторым рождением.

И я никогда, моя милая внученька, никогда этого не забуду.

Ты ведь знаешь, моя родная, что для меня нет ничего дороже тебя. Я люблю тебя до самого неба и обратно, моя родная.

Я больше не боюсь тишины. Я знаю, что она — не пустота. Она — самая большая наполненность, которую я только встречала. И я поняла, почему прабабушка называла это благодарью. Потому что здесь нет суеты, нет гонки, нет фальши. Здесь есть только жизнь. Настоящая, простая и оттого — невероятно красивая. Мы с моим мужем прибежали в сад. Мои городские ноги, привыкшие к ровному плиточному покрытию, утопали в рыхлой, чёрной земле. Это было странно — чувствовать землю не через подошву обуви, а почти кожей. Я провела рукой по шершавой коре яблони, и на меня вдруг свалилось осознание: яблоня живая. Она дышит,

она растёт, она помнит, как твоя прабабушка была молодой, как твой дедушка лазил по ней мальчишкой.

Представь себе, моя родная: там родился твой дедушка. И именно там нас ждала удивительная, пышная свадьба.

Послушай, моя милая. Есть на свете места, которые мы никогда не видели, но которые почему-то сняты нам в самых важных снах. Они не отмечены на туристических картах, о них не пишут в модных журналах, но в нашей памяти они высечены золотыми буквами. Это не просто точки на земле — это истоки. Начало начал. Когда я произношу фразу **«там родился твой дедушка»**, время сжимается в пружину. Воздух становится гуще, а между нами и прошлым исчезает пропасть. Это не просто географическая справка. Это ключ к пониманию того, почему мы смотрим на мир именно так, почему наши руки умеют держать инструмент, а сердце — хранить верность. Там, где родился дедушка, утро всегда начиналось с тумана, стелющегося по озеру. Там пахло парным молоком, мокрой травой и печным дымом. Скрип колодезной цепи был его первой колыбельной, а бескрайнее небо над головой — первой книгой, которую он научился читать. **Мы часто думаем, что дом — это место, где стоит наша кровать или висит наше пальто. Но настоящий дом — это место, где живёт наша душа. И душа эта была слеплена там, где дедушка учился ходить, падая в высокую рожь, где он впервые услышал, как поёт гармонь, и где он научился отличать добро от зла не по учебникам, а по глазам своих родителей.**

Когда мы говорим «там», мы чувствуем тепло. Мы чувствуем руки дедушки — шершавые, натруженные, пахнущие землёй и железом. Мы слышим его голос, то строгий, то смешливый, который рассказывал твоей маме сказки, где правда была важнее вымысла. И в этих сказках всегда звучало одно и то же место.

Это место — не просто деревня или город. Это характер. Это генетический код нашей честности, нашего упрямства, нашего умения радоваться малому и стойко переносить большое. Дедушка твой не выбирал, где ему родиться, как и я, и ты, и твоя мама не выбираем, в какой век нам жить. Но он выбрал, как относиться к этой земле. Он её не покорял — он с ней жил. Он её не воспевал — защищал.

И сейчас, когда я произношу эти слова для тебя, я словно держу в ладонях горсть той самой земли. Она тёплая, живая. Она хранит следы его босых ног, отпечатки его ладоней на тополище, эхо его песен.

«Там родился твой дедушка», — говорю я тебе, моя внученька, и в этот момент я передаю тебе нечто большее, чем знание. Я передаю тебе корни, которые держат тебя на этой земле, несмотря на любые ветра.

Это место не отпускает меня никогда. Оно становится моим тылом, нашей крепостью, нашей тихой пристанью. Когда мир становится слишком шумным и суетливым, я закрываю глаза и возвращаюсь туда. Мы идём с ним по пыльной дороге, минуя старые тополя, открываем скрипучую калитку и видим тот самый дом, где всё начиналось.

Ты никогда не была там? Неважно. Ты всё равно знаешь каждую трещинку на крыльце, потому что ты видишь в моих глазах, когда я рассказываю об этом тебе.

Я чувствую вкус того хлеба, потому что дедушкины руки научили твою бабушку ценить труд.

Там родился твой дедушка. Там выросло наше общее «Я». И пока мы помним эту тропинку, пока мы произносим это название с теплотой в голосе, мы бессмертны. Потому что человек живёт до тех пор, пока жива память о его истоках, пока звучит его земля в наших сердцах.

Это место — не просто точка на карте. Это наша путеводная звезда, которая ведёт нас домой, даже когда дороги размыты. И придя туда, мы всегда услышим тихое:

«Я ждал тебя. Я знал, что ты придёшь».

Там родился твой дедушка, а значит — там твоя вечность.
Моя милая внученька!

Есть места, куда мы возвращаемся не ногами, а сердцем. Для меня таким местом всегда был дом твоей прабабушки Евдокии. Этот дом не значился на картах, у него не было номера, кроме того, что был выцарапан мелом на калитке, но для меня он был целой Вселенной, страной моей юности, где законы физики уступали место законам тепла.

Прабабушка Евдокия — это имя звучит как старинная песня. В нем слышится скрип половиц, шорох ситцевой занавески и мерный стук маятника. Она сама была как это время — неторопливое, мудрое и бесконечно доброе. Её руки, покрытые сеточкой морщин, умели всё: поднять тесто, приласкать, перебрать гречку и погладить по голове так, что все беды мира становились неважными.

Утро в её доме начиналось не с будильника, а с аромата.

Просыпаешься, а в носу уже щекошет запах топленого молока и свежих плюшек. Она вставала затемно, когда небо ещё было густо-синим, чтобы к нашему пробуждению стол уже ломился от чудес. Помню, как я, ещё сонная, кутаясь в огромный пуховый платок, который пах лавандой и нафталином, бежала на кухню. Там, в полумраке, горела одна лампа, а вокруг неё, как ангелы, кружились золотистые пылинки.

— Проснулась, милая Людмилка? — спрашивала она, и голос её был похож на журчание ручья.

Она не говорила «ешь», она говорила «отведай».

И в этом слове был целый ритуал. Отведать — значит, попробовать частичку её души, вложенной в каждое блюдо.

Дом твоей прабабушки, мамы твоего дедушки, был живым существом.

Он скрипел половицами, когда мы ходили по коридору, когда мы возвращались с озера. В каждой комнате был свой запах. В зале — запах воска и старых фотографий, где все были молодыми и счастливыми. В спальне — запах сухих трав, развешанных по углам от моли, и чистого льняного белья. А на кухне... на кухне царила вечная магия.

Она рассказывала мне истории, пока месила тесто. Её руки двигались в такт словам. Истории были про войну, про любовь, про то, как прадед украл её из соседней деревни, про то, как выживали в голодные годы. Я слушала, и мне казалось, что я держу в руках нить, связывающую меня с прошлым, с теми временами, когда жизнь была проще, а люди — ближе друг к другу.

Сад Евдокии был отдельной планетой.

За домом начинался рай. Старые и молодые яблони, согнувшиеся от тяжести плодов, шептались листвой. Вишни роняли спелые ягоды прямо в ладони. А в самом углу, под развесистой грушей, стояла деревянная скамейка, на которой мы сидели вечерами.

— Смотри, — говорила она, показывая на небо, — вон там ковш. Это Большая Медведица. А если долго смотреть, можно увидеть, как звезда падает.

Я верила ей безоговорочно. И даже сейчас, когда я смотрю на ночное небо, я ищу глазами тот самый ковш, который показывала она, и мне кажется, что она сидит рядом, укрывая мои плечи тёплым платком.

Когда мы уезжали, я всегда плакала.

Не потому что было грустно, а потому что не хотелось уходить из этого мира, где время текло по-другому. В городе всё было быстро, шумно, суетливо. А здесь — медленно, размеренно, как тесто подходит в кадушке.

Прабабушка выходила провожать нас до калитки. Она махала рукой, а на глазах у неё блестели слёзы. Она знала, что следующая встреча будет нескоро, и вкладывала в этот взмах всю свою любовь.

Прошли годы.

Прабабушки Евдокии больше нет. Но всякий раз, когда я пеку хлеб, когда слышу скрип деревянного пола или чувствую запах антоновских яблок, она возвращается ко мне. Она живёт в моих руках, когда я обнимаю тебя, в моих словах, когда я рассказываю тебе сказку на ночь, и в моём сердце, которое навсегда запомнило, что такое безусловная любовь.

Это не просто воспоминание. Моя милая, это место силы. Это тот самый островок, куда можно вернуться в любую минуту, стоит лишь закрыть глаза и вспомнить, как пахнет топлёное молоко и как звучит ласковое:

«Людмила моя...».

Время неумолимо, но память — вечна. И пока мы помним, те, кого мы любили, остаются рядом, согревая нас теплом своих рук и светом своих улыбок.

Ну а свадьба... Ох, моя хорошая, подготовка к свадьбе была на следующий день. Но это уже совсем другая история — я расскажу тебе её завтра утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.